

С. И. КАРЦЕВСКИЙ

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

СОСТАВЛЕНИЕ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ *И. И. ФУЖЕРОН*

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2000

Глава IX

ЗВУКОВОЕ СТРОЕНИЕ РЕЧИ

§ 102. Звуковая сторона слова

Звуковое строение, иначе звуковая форма, слов бывает двух родов.

В одних словах мы усматриваем между значением и звуковой формой известную связь, напр., *жужжать*, *кукушка*, *бац! кукареку!* и т. д. В других случаях мы не находим никакой связи между звуковым строением слова и его значением, так, напр., предмет «лес» можно было бы назвать совсем по-иному, ибо сочетание звуков *л-е-с* простая этикетка (см. § 10).

Звукописующих слов больше всего среди междометий: *бац! хлоп!* и т. д., сюда же нужно отнести и такие звукоподражания как *мяу-мяу*, *ку-ку*, *тыфу!* и т. д. Среди служебных слов (предлогов, союзов и частиц), а также среди местоимённых и счётных — звукописующих слов, конечно, нет. У знаменательных слов звукописующим может быть только корень, а форманты и морфемы всех видов имеют звуковое строение немотивированное и наделены только дифференциальной значимостью (см. §§ 49, 50 и 47), напр., *жужж-ать*, *жужж-анье*, *жужж-елица*, *куковать*, *кук-ушка* и т. д.

§ 103. Роль звукописующих слов в речи

Эмоциональная речь, которая стремится живописать и вообще действовать на наше воображение, широко пользуется всякого рода выразительными, «экспрессивными» словами, в том числе и словами звукописующими (см. §§ 10 и 11). Напр. —

— *Какой ты фу ф л ы г а! У-у! Э-э!* — передразнивал Ежов медленную речь Фомы.

— *Эх ты, карама*.

— *Бежит Сенька, ю ф а ю т по ветру рукава и подол его рубахи.*

Интеллектуальная речь подобных звукописующих слов по возможности избегает, так как её задание — это как можно точнее определить,

а для этой цели лучше всего подходят слова-этикетки (см. §§ 10—13). Если в подобной речи и встречается слово сколько-нибудь живописующего характера, то говорящие воспринимают его как простое слово-этикетку. В эмоциональной речи наоборот: говорящие склонны устанавливать звуковую мотивированность даже там, где её обычно и нет. Ср. анекдот про мужика, который говорил: *Недаром бог назвал свинью «свиньей»: свинья и есть.*

§ 104. Звукоподражание

Звукописующие слова бывают двух родов. — Одни из них подражают характерным звукам, связывающимся в нашем представлении с тем предметом или действием, о котором идет речь; напр., *кукушка*, *бац-нутъ*, *бац! кукареку!* и т. д. Другие же никаким звукам не подражают, но их звуковое строение чем-то напоминает нам (особенно в эмоциональной речи) тот предмет или то действие, для которых они служат названием, таковы, напр., *карабкаться*, *кувыркком*, *спотыкаться*, *фефела*, *фуфлыга*, *карамо*, даже слово *двигать* иногда нам представляется звукописующим, ср. загадку «Бегал, бегал куманёк, да *двиг* в уголок» (Веник).

Но если звукописующее слово и подражает каким-нибудь звукам, то воспроизводит оно их только очень приблизительно. Так, напр., жук производит своими крыльями некоторый шум, который мы звуками нашей речи обозначаем очень приблизительно как *жж...* Петух во все не «кричит» *кукареку* (напр., француз передает его крик через *cocorico*, а немец через *kikiriki*); кукушка не «поет» *ку-ку*; вода, вливающаяся в бутылку, не «говорит» *буль-буль-буль*. Это мы так переводим звуки и шумы внешнего мира на звуки нашей речи.

§ 105. Звуки речи

Звуки нашей речи отличаются от прочих звуков и шумов прежде всего тем, что они не являются собранием отдельных, изолированных и случайных звуков. Звуки нашей речи связаны в единую систему (фонологическая или фонетическая система), и далеко не всякий звук, который могут произвести органы нашего говорильного аппарата, входит в эту систему. Так, напр., мы можем приблизительно воспроизвести звук откупориваемой бутылки, но этот звук к звукам речи не относится; прищёлкивание языком может служить для выра-

жения чувства сожаления, однако это **изолированный** единичный случай употребления подобного звука, и в **систему** звуков речи он не входит; наконец, в произношении образованных классов встречаются иностранные слова, выговариваемые на иностранный лад, напр., *бюро*, *брошюра*, *pardon* и т. д.,—эти чужие звуки также не принадлежат к системе звуков русского языка.

§ 106. Звуковые законы

Когда мы говорим, что звуки речи образуют «систему», это значит, что они связаны между собою по определённым фонетическим законам, т. е. последовательность звуков, их сочетания, их смена и т. д. происходят в определённом порядке.

Важнейшие фонетические законы, действующие в современном русском языке, это—1) соотношение звонких и глухих согласных, 2) смягчение согласных и 3) редукция неударяемых гласных.

§ 107. Соотношение звонких и глухих

В словах *вбить* и *всадить* одна и та же приставка, изображенная на письме через «в», звучит по-разному: в первом случае—как *в*, а во втором—как *ф*, т. е. в первом случае перед нами **звонкий** согласный, а во втором—**глухой**. Почти каждый согласный имеет эти обе разновидности—звонкую и глухую.

Звонкие: *б, в, г, д, ж, з, л, м, н, р, ы, -, -, -, j.*

Глухие: *п, ф, к, т, ш, с, -, -, -, -, х, ц, ч, щ, -.*

Звонкие и глухие чередуются согласно следующим законам.

1. В конце слова перед паузой может находиться только **глухой** звук.—Напр., ср. *грибы* и *гриб* (= грип), *сады* и *сад* (= сат), *ножи* и *нож* (= нош) и т. д.

2. Перед **глухим** может находиться только **глухой** же.—Напр., ср. *вбить* и *всадить* (= фсадить), *гвозди* и *гвоздь* (= гвость), *грузди* и *груздь* (= грусть) и т. д.

3. Перед **звонким** (исключая *в*, а также *л, м, н, р* и *j*) может находиться только **звонкий** же.—Напр., ср. *стачить*

и *сбить* (= збить), *отпилить* и *отбить* (= адбить) и т. д. Но *свет*, *класс*, *отъезд* (= атжест) и т. д.

Примечание 1. Звонкий, соответствующий глухому *х*, не имеет особой буквы (в науке его изображают греческой буквой «х») и обозначается через «г»; в литературном произношении звук этот встречается очень редко; напр. *бога* (ср. *бог* = «бох»), *господь*, *легко*, *всегда*, *где* и т. д.

Примечание 2. Звук *j*, обозначающийся на письме по-разному (*май*, *яма*, *ель*, *въюга* и т. д.), тоже может слегка заглашаться (ср. *пойду* и *пойти*), но на письме это не отмечается. Звонкие *л, м, н, р* почти не заглашаются (хотя в «Петр Петрович» первое «р» глухое; *рубли* произносятся «рупль» и т. д.).

Примечание 3. Глухие *ц, ч* и *щ* переходят в звонкие в положении перед звонкими же, но подобное положение для *ц, ч* и *щ* чрезвычайно редко и бывает только при встрече слов; напр., *отец был* звучит «атецзбыл»; *дочь больна* звучит «доджьбальна» и т. д.

§ 108. Смягчение согласных

Конечный согласный в словах *кон* и *конь* звучит в первом случае твердо, во втором мягко. Почти все русские согласные имеют обе разновидности—твёрдую и мягкую, но степень смягчения бывает не одинаковая у всех согласных. Так, разница между твёрдым и мягким *л* нам представляется чрезвычайно значительной (ср. *мол* и *моль*), тогда как в некоторых индивидуальных произношениях мы почти не улавливаем смягчения *б* в *бью* или же, напротив, имеем одинаковую твёрдость или одинаковую и незначительную смягченность звука, как, напр., *в* в словах *въехать* и *въюга*.—В науке смягчение согласных принято обозначать значком '.

Согласные *ж, ц* и *ш* всегда твёрдые: *рожь* произносится «рош»; *мышь* = «мыш». (Исключением является встречающееся (главным образом, в московском говоре) произношение *дождик* и *извозчик* как «дожжик», «извошшик» с долгими и смягченными *ж* и *ш*.)

Согласные *ч* и *щ* всегда мягкие: *плач* произносится «плачь», *плащ* = «плащ».

Некоторые гласные могут сочетаться только с твёрдыми, другие только с мягкими предшествующими согласными.

а) Перед *ы* может находиться только твёрдый согласный.

б) Перед *и* может находиться только мягкий согласный.

Примечание 1. Можно рассматривать *ы* и *и* как разновидности одного и того же гласного: они соотносительны и заменяют друг друга в зависимости от положения в речи. Напр., в *избу* произносится «вызбу», *с + играть* даёт *сыграть*. Поэтому хотя мы и пишем *жир, шить, цирк*, но произнести можем только «жыр», «шыть», «цырк».

с) Перед *е* может находиться только мягкий согласный, исключая *ж, ц* и *ш*.— Напр., ср. *дом* и *в доме* (= «вдом'е»); но *жена, шея* и т. д.

Примечание 2. В иностранных словах, сохраняющих чужеземное произношение, согласные не смягчаются; в подобных словах звук *е* нередко передаётся на письме буквой «э», напр., *Стэнли, Кондэ, пэр Франции, лорд-мэр, кафэ, резюме*.

Смягчённый согласный обыкновенно несколько смягчает и предшествующие согласные; напр., *вбить* (= в'б'ит'), *гвозди* (= гвоз'д'и), *смерть* (= с'м'ер'г').

§ 109. Редукция гласных

Сравнивая слова *дом* (дом), *домой* (= дамој) и *домовой* (д'амавој), мы замечаем, что гласный первого слога в этих родственных словах звучит по-разному. В первом случае это *о*, во втором *а*, в третьем же это глухой звук, отдалённо напоминающий *ы* и который мы условимся обозначать через ^Λ. Подобное изменение гласного обусловлено его положением по отношению к ударению в слове и носит название **редукции гласных**, а глухой звук ^Λ называется редуцированным гласным.

Разные слоги артикулируются не с одинаковою силой, т. е. выговариваются не одинаково энергично; это особенно сказывается на гласных,—отсюда и явление редукции. Произнося ударяемые гласные, органы нашего говорильного аппарата работают более энергично, при произношении же неударяемых они делают меньшее усилие, находятся в положении несколько ослабленном. Можно приблизительно различать три степени интенсивности артикуляции. Обозначим их цифрами 3, 2 и 0. Напр.,

⁰*б*²*а³*р*⁰*а*⁰*б*⁰*а*⁰*н*⁰*о*⁰*м**

Наиболее интенсивна артикуляция гласного в ударяемом слоге — 3; она несколько слабее в предударном — 2; в прочих слогах она совсем слабая — 0¹.

¹ Несколько усиливается она для начальной гласной слова (после паузы), напр., ¹*у*²*к*³*р*⁰*ы*⁰*в*⁰*а*⁰*т*⁰*е*⁰*л*⁰*и*.

В позиции 3, т. е. под ударением, могут быть **все** гласные.— Напр., *дом, вал, жар, час, пять* (= п'ат'), *яд* (= јат), *лес, мир, пыль, сук* и т. д.— даже редуцированный звук встречается, хотя и чрезвычайно редко, под ударением; так напр., в возгласе *Эх, чтоб тебя!* мы произносим второе слово «шт'п».

В позиции 2, т. е. в предударном слоге, не может быть *о*; прежнее *о* переходит в *а*, ср., напр., *дом* и *домá* (= дамá) или *домой* (= дамој); кроме того, после смягчённых согласных, а также после *ј, ж, ц* и *ш* не может находиться *а*, прежнее *а* в подобных случаях переходит в *е*²; ср. *час* и *часы* (= ч'есы), *пять* и *пятак* (= п'етак); *яд* и *яды* (= једы) [sic!], *жар* и *жары* (= жеры).

В позиции 0, т. е. в неударяемых слогах, могут находиться: ^Λ (редуцированный гласный), *и/ы*, тоже заглушённые, и *у*, также очень ослабленное. Редуцированный гласный после твёрдых согласных несколько напоминает *ы*, а после смягчённых и *ј* несколько приближается к *и*.— Напр., *домовой* (= д'амавој), *пятачок* (= п'атач'ок), *часовой* (ч'асавој), *ядовитый* (= ј'дав'итыј), *дымовой* (дымавој), *хорошо* (х'рашо), *барабаном* (б'рабан'ам), *мировой* (= м'иравој), *в поле* (фпол'а), *ружья* (= руж'а), *укрыватели* (= укрывает'л'и), *армячишко* (= ар'м'е-ч'ишк'а) и т. д.

Схема редукции гласных

Позиция 3	$\begin{array}{c} \text{о} \quad \text{а} \quad \text{е} \\ \diagdown \quad \diagup \\ \text{а} \quad \text{е} \\ \diagdown \quad \diagup \\ \text{а} \end{array}$	<i>и/ы</i>	<i>у</i>
Позиция 2		<i>и/ы</i>	<i>у</i>
Позиция 0		<i>и/ы</i>	<i>у</i>

§ 110. Ассимиляция

Прочие фонетические законы имеют более частный характер и более узкое поле применения, но в то же время некоторые из них отличаются чрезвычайною сложностью. Здесь мы отметим только ассимиляцию (или уподобление) свистящих согласных шипящим.

² А в некоторых произношениях (в московском говоре особенно) в *и*: *часы* (= ч'исы), *пятак* (= п'итак).

Находясь перед шипящими, свистящие уподобляются им: так, *с+ж* или *з+ж* дают *жж* (т. е. долгое *ж*), напр., *сжечь* (= жжечь), *изжарить* (= ижжарить); *с+ш* дает *шш* (долгое *ш*), напр., *сшить* (= шшить); *с+ч* > *щ* (= *ш'ч'*), напр., *исчерпать* (= ищерпать) и т. д.

§ 111. Образование звуков речи

Звуки речи образуются деятельностью органов нашего говорильного аппарата.

Каждый звук речи складывается из четырёх моментов: 1) выдыхание, 2) артикуляция органов в полости рта, 3) вибрация (колебание) голосовых связок или отсутствие таковой и 4) наличие или отсутствие носового резонанса.

1. Выдыхание является постоянным моментом. Без выталкивания воздуха из лёгких не образуется ни одного звука русской речи.

Примечание 1. Пощёлкивание языком для выражения сожаления (см. § 105) образуется без выдыхания, но этот звук не входит в состав русской фонологической системы.

2. Артикуляция, её характер, т. е. то, какими органами она производится и в каком пункте полости рта, является чрезвычайно важным моментом в различении звуков речи.

По артикуляции различаются: губные (*б, п, м*), губо-зубные (*в, ф*), зубные (*д, т, з, с, н*), нёбо-зубные (*ж, ш*), средненёбные (*й*), задненёбные (*г, к, ч, х*), язычные (*л, р*). Несколько менее важна артикуляция при образовании звуков *и, ы, е, а*, при произношении которых губы слегка растягиваются, и звуков *о* и *у*, для образования которых губы несколько округляются и вытягиваются вперед; наконец, звук *а* образуется очень малозаметным движением задней части языка в направлении к средней части нёба.

3. Вибрация голосовых связок наблюдается при образовании звонких *б, м, в, д, з, н, ж, й, г, ч, л, р* и так наз. «гласных»: *и, ы, е, а, о, у, я*. Если она отсутствует, получают глухие звуки.

4. Носовой резонанс, образуемый направлением струи воздуха через носовую полость, наблюдается только при произношении *м* и *н*.

С. И. Карцевский с дочерью Светланой в Праге

§ 112. Классификация звуков

Но сближением каких бы органов ни образовывались звуки, необходимо различать степень этого сближения. Так, напр., сближение бывает полным при образовании **б** и **п**, органы (в данном случае — губы) смыкаются, и струя воздуха из лёгких как бы разрывает это смыкание. С другой стороны, при образовании **а** сближение органов (задней части языка и среднего нёба) минимально. Можно приблизительно различать семь степеней «раствора» органов в полости рта, от нуля (полное смыкание — **б**, **п**) до **б**, т. е. максимального раствора (звука **а**).

Располагая звуки русской речи по степени раствора органов при их образовании, получаем следующую классификацию.

0. Губные: **п**, **б** (м). — Зубные: **т**, **д** (н). — Задненёбные: **к**, **г**.

1. Губо-зубные: **ф**, **в**. — Зубные: **с**, **з**. — Нёбо-зубные: **ш**, **ж**. — Средненёбные: **й**. — Задненёбные: **х**, **у**.

2. Сюда, собственно говоря, относятся носовые: **м** и **н**, так как при полном смыкании органов в полости рта воздух из лёгких открываетс^я проход через полость носа.

3. Язычные: **л**, **р**.

4. Верхние (т. е. очень большого подъёма языка к нёбу). Передненёбный **и**. — Средненёбный **ы**. — Задненёбный **у**.

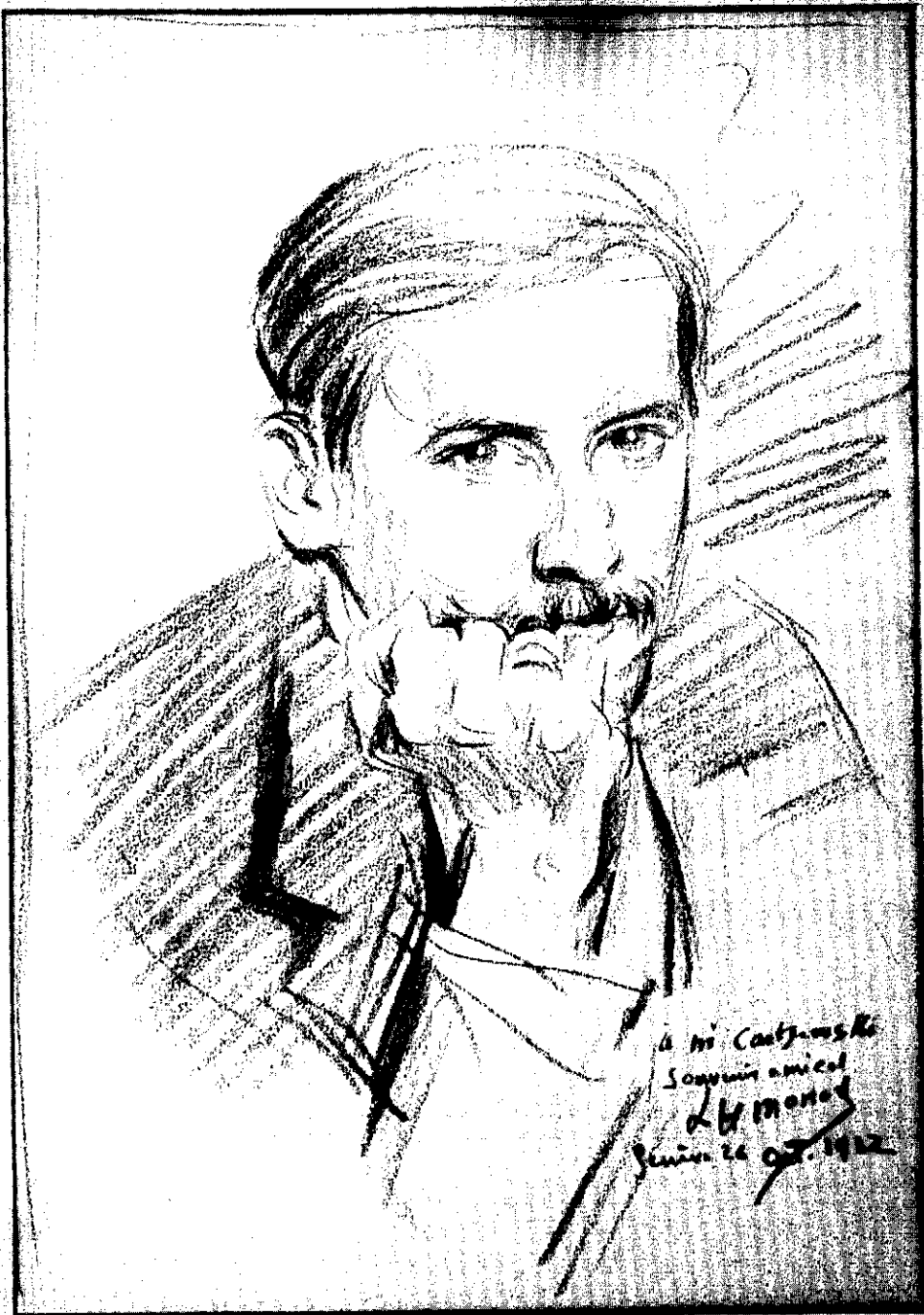
5. Средние (т. е. уже меньшего подъёма). Передненёбный **е**. — Средненёбный **а**. — Задненёбный **о**.

6. Нижние (т. е. наименьшего подъёма). Задненёбный **а**.

Примечание 2. Как бы ни был высок подъём языка при образовании последних трёх классов звуков, так наз. «гласных» (особенно в классе 4), сближение органов всё-таки гораздо меньше, следовательно «раствор» гораздо больше, чем при образовании звуков первых трёх классов, т. е. так называемых «согласных». — Класс 3 — «язычные» или «плавные» — занимает как раз промежуточное место между гласными и согласными.

Примечание 3. Звуки **ц**, **ч** и **щ** являются «слитными», т. е. образуются сложной двойной артикуляцией: **ц** = тс; **ч** = т'ш; **щ** = ш'ч'.

Не нужно забывать, что в речи звуки не встречаются изолированно, но всегда связаны в звуковую цепь и соседние звенья цепи влияют друг на друга. Так, напр., мы уже видели, что сочетания **с + ж > жж**, **с + ш > шш** или **ж + и > жи** и т. д. Разнесенные по классам и распределённые по клеточкам, звуки существуют только в теории, на практике

Сергей Иосифович Карцевский

(Портрет сделан Люсьеном Моно, отцом будущего лауреата Нобелевской премии Жака Моно в октябре 1912 г.)

же они постоянно передвигаются (напр., *смятчение* *х* в *хижина* передвигает этот звук в класс «средненёбных», так же передвигается *г* в *губель*). В зависимости от того, в какой звуковой комбинации они встречаются, а также в разных говорах и в индивидуальных произношениях, видоизменение артикуляции может быть очень значительным.

§ 113. Фраза и слово

Мы видели (§ 111), что выдыхание есть непереносное условие русских звуков речи. Рассматривая фразу с этой стороны, мы должны сказать, что она представляет собою *с т р у ю* воздуха, выталкиваемого из лёгких. В неторопливой речи за фразой естественно следует пауза, необходимая для того, чтобы можно было «перевести дух», т. е. набрать в лёгкие новый запас воздуха. Во время этой паузы органы говорильного аппарата бездействуют, находятся в состоянии покоя. В речи спешной паузы между фразами не выдерживают, по несколько фраз произносятся «за один дух». Тем не менее, между двумя соседними фразами органы говорильного аппарата приводятся в состояние покоя и интонация отмечает этот момент. — Внутри фразы могут быть нарочитые смысловые паузы, точнее — полупаузы (§§ 3 и 5). Но речь эмоциональная, взволнованная нарушает естественные границы фразы и всё высказывание превращает в ряд более или менее самостоятельных кусочков, выражающих чувства, а не мысль.

Полупаузы не служат для разделения фразы на слова. В речи слова не отделяются, но и не разрываются на части паузами. Они произносятся слитно. Поэтому малограмотные люди очень затрудняются, когда им приходится делить на письме речь на слова. В нашем сознании мы выделяем слова по смыслу, на основе формальных значений, которые позволяют различать части речи. Но эта операция предполагает развитую отвлечённую мысль. Кроме того, если слово нам незнакомо, мы затруднимся расчленить в нем семантическую и формальную стороны.

Вот несколько примеров того, как дети разграничивают незнакомые слова на письме. Не зная слова *Валдай*, ученик пишет под диктовку: «И колокольчик, *дарвалдай*, звенит уныло под дугой», полагая, что перед ним деепричастие от глагола «дарвалдать». В другом подобном случае написали: «На нем *флюгеране* шумят»; ученик, не знакомый со словом *флюгер*, решил, что речь идет о множ. числе от существитель-

ного «флюгеранин». Ещё один ученик, не вдумавшись в смысл диктуемого, написал «Дремлет *под лепечки*», по-видимому, представляя себе, что речь идет о чём-то вроде лепета, как, напр., можно сказать «дремлет под лепет, под жужжанье» и т. д.

§ 114. Фраза и слог

Струя воздуха, на которой покоится фраза, всё время «перехватывается» смыканием органов, артикулирующих звуки речи. В звуковой цепи чередуются звуки разных степеней раствора (см. § 112). От одного звука значительного раствора до следующего звука большей степени раствора (проще: от одной гласной до другой) струя воздуха перехватывается смыканием органов, артикулирующих звуки меньшей степени раствора (т. е. согласные). Таким образом звуковая цепь членится на *слоги*, от размыкания до ближайшего смыкания.

В полном слове количество слогов цельное; служебные же слова могут и не образовывать сами по себе слога, но сливаться с полными словами, напр., *в доме* (= *вдо-ме*), *ся > съ: взялась* (= *взя-лась*), *ли > ль: слы-хали ль вы?* и т. д.

Слог складывается из четырёх моментов: а) длительность, б) высота или тон, с) интенсивность и d) тембр. Первые три могут изменяться количественно, т. е. быть больше или меньше, и слог может быть долгим или кратким, высоким или низким, ударным или безударным, всё в большей или меньшей степени. Тембр слога меняется качественно и зависит от того, какие органы говорильного аппарата принимают участие в его артикуляции.

Долгота и краткость слога в русском языке не имеют значимости вне эмоциональной речи: интеллектуальный смысл слова, его семантические или формальные значения не изменяются от различий в длительности слогов. Тон слога имеет значение также только в эмоциональной речи, в восклицаниях и в словечках, поскольку они становятся как бы самостоятельными фразами. Смотри по тому, как мы произнесём *ну*, мы выразим подбадривание, грубое понукание, недоверие (*ну-у?*) и т. д.; ср. произношение союза *и* и междометия *и*, напр., *иш... батюшка* и т. д. Но опять-таки в слове различия в тоне слогов не имеют интеллектуальной значимости.

Различия в интенсивности играют значительную роль и в смысловой стороне слова. В каждом слове есть один ударный слог (в состав-

ных бывает ещё и вторичное ударение, ~~напр.~~; *четырёхугольный*), вокруг него группируются прочие слоги, и слово связывается в единое звуковое целое. И мы знаем (см. § 109), насколько строение слова, состав его гласных звуков зависит от положения слогов по отношению к ударению. Перемещение ударения нередко служит подсобной морфемой и даже формантой, ср., напр., *замо́к* и *за́мок*, *узна́ю* и *узнаю́*, *па́руса* и *пару́са*, *кря́гом* и *кряго́м* и т. д.

Но фраза наделяет слоги различной длительностью, тональностью, интенсивностью и, комбинируя эти различия с полупаузами, создаёт поверх слов ритмико-мелодическую фигуру, т. е. интонацию, играющую, как мы уже знаем, чрезвычайно важную роль в речи (см. §§ 3—5, 11—12, 32—35, 52, 62, 64, 82, 99—100).

Но все количественные особенности слога, его длительность, тональность и интенсивность, предполагают существование качественной стороны слога — его *тембра*.

§ 115. Слог и фонема

Как в музыке одна и та же нота, одной и той же длительности и интенсивности, «окрашивается», т. е. звучит по-разному, смотря по тому, каким инструментом она издана, так и основной характер слога зависит от того, какие органы нашего говорильного аппарата участвуют в его артикуляции. На этих различиях, воспринимаемых слухом, построены и смысловые различия в языке, т. е. прежде всего внутри слова: различие разнообразных значений, которые образуют слово и которыми слова разнятся друг от друга.

Но не все артикуляционные различия внутри слышимого слога доходят до нашего сознания. Так, напр., в слове *шесть* звук *е* «открытый», а в слове *шесть* он «закрытый». В некоторых языках это различие играет смысловую роль³, у нас нет, и эти слова различаются не своими *е*, а твёрдостью *ст* в первом и мягкостью *с'т'* во втором. Звуковые единицы, играющие в данной фонологической системе различительную роль, называются *фонемами*. Твёрдость и мягкость согласной — это фонемы, а, напр., различие *и/ы* не фонема, так как это одна и та же фонема *и*, только в разных условиях: после мягкой или после твёрдой согласной, отдельного *ы*, вроде *и* союза или междометия, в русском языке нет.

³ Так, напр., французское слово *prés* (лужайка) отличается от *près* (возле) именно тем, что в первом *е* закрытое, во втором — открытое.

Таким образом, для нашего языкового сознания слог распадается на фонемы, т. е. такие звуковые единицы, которые играют смысловую дифференциальную роль в словах. Отметим попутно, что внутри слога все фонемы, образующие его, не являются равноценными. Длительность, тональность и интенсивность слога опираются на фонему наибольшего раствора и, напр., их не может иметь *б* или *т*, фонемы нулевого раствора. Эта «звучащая» точка слога называется *сонантой*, в отличие от «консонанта», т. е. фонем, не несущих вовсе или несущих в меньшей степени количественные особенности данного слога. Понятно, что в роли сонанта выступают обычно гласные (раствор 4, 5, 6), реже плавные *л*, *р* (раствор 3), но могут выступить и носовые *м*, *н* (раствор 2); а быть длительными, но не сонантами могут и *ф*, *в*, *с*, *з*, *ш*, *ж*, *х*, *γ* (раствор 1). Так, напр., в *мариванна* (Мария Ивановна) *и* является сонантой и образует сам по себе слог «ма-ри-ва-и-на»; в чешском слове *vlk* (волк) *л* будет тоже сонантой, и т. д.

Глава X

ПИСЬМО И ОРФОГРАФИЯ

§ 116. Письмо идеографическое

Письменная передача речи может идти двумя путями: пишущие будут стремиться передать при помощи графических (начертательных) знаков самую мысль, т. е. смысловую сторону речи, независимо от её звуков, или же именно эту звуковую сторону. Письмо первого рода называется идеографическим, второе можно назвать звуковым или, точнее, фонологическим.

Если нужно обозначить лес, можно нарисовать несколько деревьев; вместо солнца можно изобразить кружок и лучи вокруг; пожимающие одна другую руки будут обозначать дружбу, а расставленные ноги — ходьбу и т. д. Так передавать можно, конечно, лишь самые несложные мысли, опирающиеся на конкретные представления. Для отвлечённой мысли годятся только условные знаки. Подобного рода письмо было в ходу у египтян. Однако чем дальше развивалась их культура, тем больше к подобным рисункам примешивалось условных знаков для выражения отвлечённых понятий и отношений между понятиями. В то же время и самые рисунки становились всё схематичнее и условнее, так как ведь нельзя допускать, чтобы каждый изображал лес, дружбу и т. п. по-своему, как ему кажется лучше, тогда стало бы невозможным понимать друг друга.

Всякое письмо, поскольку оно обслуживает общество, т. е. людей разных, должно пользоваться знаками обязательными и равнозначными для всех, т. е. условными. Знаки «натуральные», мотивированные, всегда будут более или менее субъективными (см. § 10), и каждый будет понимать их по-своему; необходимы знаки-этикетки.

В современной жизни «натуральным» графическим знакам принадлежит очень малая роль. Это почти исключительно рисунки реклам, вывесок: часы = часовой магазин, указательный палец = вход; крестик перед собственным именем означает, что лицо это умерло; разорванные цепи, изображенные на каком-нибудь плакате, напоминают о

сброшенном рабстве и т. д. и т. д. К письменной речи этот язык натуральных знаков не имеет никакого отношения.

§ 117. Письмо фонологическое

Изобразить звук, конечно, нельзя, и фонологическое письмо всегда условно. Его задание в том, чтобы каждому смысловому различию, сопровождающемуся различием звуковым, отвечало бы и письменное различие. Такое письмо стремится, следовательно, передавать не звуки, а фонемы, т. е. звуковые различия, имеющие смысловое значение. Весь вопрос в том, что в данном языке является фонемой.

В китайском языке каждое слово имеет свой особый и очень замысловатый знак. Знаков этих чрезвычайно много, и образованный человек должен знать их до 40.000. Каждое слово состоит из одного слога. Китайские слова не спрягаются и не склоняются. Формальными элементами (см. § 27) служит порядок слов в фразе, а также особые «пустые слова», вроде наших служебных слов, — носители формальных значений. Очень большую роль играет тональность слога; различается до четырёх тонов, и с изменением тона меняется и смысл слова. Таким образом, отдельный звук (китайские слоги состоят из двух или трёх звуков) в китайском языке не служит фонемой, тогда как слог, напротив, является различительной единицей и смысловой и звуковой.

Иного рода письмо у семитов (древних евреев, арабов): пишутся только согласные в слове, вроде, напр., *ктт* (вместо «купить», «окупить», «купите» и т. д.). В этих языках корень и тема совпадают (см. §§ 47—50) в том смысле, что во всех словах одной семьи и во всех формах этих слов согласные остаются неизменяемыми и у каждой семьи своя группа согласных (их обыкновенно три), а формальные и классные семантические значения различаются благодаря вставляемым гласным. Ср. (конечно, очень приблизительно) *купит, окупит, купите* и т. д.; причём у нас возможны и *копит, и кипит, и копыто*, т. е. слова совсем других семей, в семитических же нет. Таким образом, здесь прежде всего противопоставляются согласные гласным, затем группа согласных, представляющая корень всей семьи и всех форм её слов, будет вместе с тем и единицей смысловой и звуковой.

Древние греки создали азбучное письмо, которое и распространилось почти по всему миру. В греческом, как и в других индоевропейских языках, фонемой, т. е. различительной единицей, является не

слог, а элементы его тембра,—отдельные звуки и их разновидности. Каждый знак азбуки—буква—должен в идеале соответствовать отдельной фонеме, и, следовательно, каждая фонема должна иметь свой письменный знак—букву.

§ 118. Русская орфография

Единицами русского письма являются буквы, и на письме слово состоит из букв. Однако полного соответствия между буквами и фонемами нет.

В словах *стол* и *вода* буква *о* соответствует двум разным фонемам (стол, вада); в слове *я* одной буквой передано две фонемы (ja), а в словах *яма* и *няня* та же самая буква имеет три различных значения (jam^А, н'ан'^А). Напротив, в словах *лук* и *люк* фонема «у» (лук, л'ук) обозначена двумя разными буквами, а различные «л» (твёрдое и мягкое) имеют один и тот же знак; наконец, отличие мягкого «л» в *моль* от твёрдого в *мол* передано добавочной буквой *ь*.

Существует, следовательно, ряд правил, устанавливающих соотношения между буквами алфавита и фонемами. Эти правила составляют то, что называется правописанием или орфографией.

Главные особенности русской орфографии заключаются в непрямом обозначении смягчения согласных и в разнообразных способах обозначения фонемы «j». В том и другом случае наше письмо является в значительной степени слоговым. Третья особенность русской орфографии в том, что она имеет морфологический характер и не считается с изменениями звуковой стороны слова под влиянием законов редукции гласных, чередования звонких и глухих и ассимиляции свистящих.

Но не нужно забывать самого важного принципа всякого письма. Написанное читается г л а з а м и. Письмо не задаётся целью указывать и точно передавать произношение. Письмо хорошо тогда, когда читающий сразу, с первых же букв понимает слово, не произнося его.

§ 119. Смягчение согласных на письме

Если бы смягчение согласных имело характер механический, т. е. происходило бы исключительно под влиянием последующего звука, то оно не имело бы и смысловой значимости. Тогда его незачем было

бы отмечать, как, напр., мы не отмечаем мягкость *и* в *несу*, так как перед *е* согласный всегда смягчается (см. § 108). По тем же причинам мы не отмечаем, что в словах *шесть*, *пять*, *конь* гласный закрытый (см. § 115): все гласные в нашем произношении закрываются перед мягкой согласной, смысловой значимости этот факт не имеет.

Если бы только одна какая-нибудь согласная встречалась и в твёрдом и в мягком виде, можно было бы создать два особых знака. Если же все согласные имеют обе разновидности, достаточно иметь один знак, напр., для твёрдой разновидности, и обозначать смягчение, видоизменяя знак. Но в русском языке различаются разные случаи и разные степени смягчения. Механическое смягчение перед мягкой же согласной или перед *j* значимости не имеет, а потому не всегда и ощущается, так, напр., слово *смерть* произносят и «с'м'ер'т'», и «см'ер'т'», тоже *бью*, *взехать*. Обозначать подобное смягчение и невозможно и не к чему. Вот почему русское письмо передаёт смягчение согласных очень сложными и притом косвенными способами и то только там, где оно имеет смысловую значимость или где оно очень сильно сказывается в произношении.

На конце слова, после мягкой согласной ставится *ь*, напр., *руль*, *конь*, *рать* (ср. *стул*, *закон*, *кот*).— Но после *ч* и *щ* в словах мужского рода *ь* не пишется, напр.: *калач*, *горяч*, *товарищ*, *могуш*; напротив, в именит. падеже существительных женск. рода *ь* пишется обязательно и после *ж* и *ш*, напр., *рожь*, *мышь*; точно так же во 2-м лице ед. ч. в спряжении *говоришь*, *несешь*.

Перед гласными и смягчение согласного обозначается косвенным путем, а именно особым написанием гласной буквы: вместо *а*, *о*, *у*, *э*, *ы* пишутся *я*, *ё*, *ю*, *е*, *и*. Напр., *наша няня*; *нос*, *нёс*; *стук*, *тюк*; *тыл*, *тина*; *мэр*, *мера*.— Но орфографический обычай требует, чтобы после *ч* и *щ* всегда писались *а* и *у*, напр. *чаща*, *чудо*, *щука*; после *ж* и *ш* очень часто пишут *ё* вместо *о*, напр. *жёлтый*, *пошёл*, после *ч* иногда пишется *о*, напр., *чорт*, *чолка*; после *ж* и *ш* всегда пишут *и*, напр., *жир*, *ширь*; *э* пишется только в некоторых иностранных словах, чаще пишут *е*, напр., *тембр* (вместо *тэмбр*); в русских словах согласная перед *е* всегда смягчается, кроме *ж* и *ш*, однако орфографический обычай требует, чтобы и здесь писалось *е*, напр., *жесть*, *шесть*.— Буква *ё*, к сожалению, редко употребляется, и обыкновенно предпочитают писать *нес*, *чёрный*, *пошел*, *жёлтый*, *все* (т. е. *все* и *всё*) и т. д.

Перед согласным мягким смягчение обозначается только для *л* при помощи *ь*, напр., *мельник*; перед твёрдым согласным мо-

гут смягчаться только *н, л и р*, что и обозначается *ъ*, напр.: *Колька, горько, конькобежец*.

§ 120. Написание *ј*

В конце слога пишется *й*, напр., *чай, чайка, койка, чуйка, Вий*.

В начале слога, после гласного. Перед *е* не пишется, но буква *е* тогда обозначает слог «*је*», напр., *ель, приехать*; то же перед *и*, напр., *поить, бои*, но в начале слова перед *и* звук *ј* бывает только в народных говорах (*их=јих, им=јим* и т. д.). Перед *а, о, у* обозначается написанием вместо этих букв *я, ё и ю*, напр.: *яма, пояс, елка, поёт; юла, поют*.

После согласного *перед гласным*. Правописание гласного остаётся, как это только что было указано, т. е. *я, ё, ю*, но, кроме того, чтобы избежать чтения согласного как мягкий + гласный, обозначается и *ј*: после префиксов пишется *ъ*, напр., *подъезд, подъязычий, съюлить*, в простых же словах пишут *ъ*, напр., *вьюга, пьёт, пьяный* (ср. *съел* и *сел*).

Примечание. Отметим, что русских слов, начинающихся со звука *е*, всего несколько: *эх, эй, этот, так, такий*; они пишутся через *э*, буква же *е* в начале слова или слога означает или слог *је* (*ель, поест*) или же звук *е* с предшествующим смягчением; все прочие слова с буквой *э* иностранные, напр., *экипаж, мэр, дуэль, поэзия*. По поводу последних двух слов нужно заметить, что в русском языке два гласных рядом встречаются очень редко: *ау, паук, баушка* (народном вместо *бабушка*), а слова вроде *аул, баул, фаут, дуэль, поэзия, поэт* — все заимствованные.

§ 121. Морфологическая орфография

Как мы уже отметили в § 118, орфография вовсе не ставит себе задачей передавать произношение. Произношение, т. е. артикуляция звуков, всегда до известной степени индивидуальна. Один произносит *т* (твёрдое) и *т'* (мягкое) иначе, чем другой и т. д. Если бы на письме нужно было передавать произношение, то пришлось бы, как это и делает фонетическая транскрипция, т. е. научная звуковая запись речи, изобретать массу значков, чтобы отмечать все индивидуальные особенности произношения¹. Такое письмо не могло бы, конечно,

¹ Так, напр., учёные употребляют до 120 знаков только для русских гласных звуков.

выполнять своей социальной роли, т. е. служить для всего общества. Важно не то, как Иван или Пётр произносят *т* или *т'*, а то, что они различают твёрдое *т* от мягкого как связанные со смысловым различием. Эти различия и должна передавать орфография, приспособляя знаки алфавита к фонемам.

Поэтому орфография и произношение никогда не могут вполне совпадать.

Письмо существует для глаза. Слова должны быть понятны при первом же взгляде на их начальные буквы. Умение читать глазами требует известной подготовки. Когда учатся грамоте взрослые, то им трудно даётся чтение «про себя», т. е. глазами, им нужно обязательно если не произносить громко, то, по крайней мере, двигать губами и языком, беззвучно артикулировать, чтобы понимать. Для быстрого понимания слов глазами нельзя писать слова так, как они произносятся.

Редукция гласных, заглушение звонких и озвончение глухих, ассимиляция свистящих шипящим (см. §§ 107, 109 и 110) изменяют звуковую сторону отдельных слов одной и той же семьи и одного и того же слова в его разных формах. Глазом мы не поймем сразу, что «*д^мавој*» опирается на *дом* и что «*грус^т*» это *грудь*, а не *грусть*, что «*уч^ицца*» это *учиться*, а не *учится* и т. д. В живом языке мы говорим фразами; интонация, ударения, жест, ситуация — всё пополняет и уточняет смысл каждого слова. На письме всего этого нет, слово становится более самостоятельным (взять хотя бы заглавия, подписи и т. п.) и должно пониматься более или менее независимо от других слов.

Поэтому орфография должна поддерживать на письме зрительное единство слова во всех его формах и зрительное единство семьи слов, и, наконец, зрительное единство типа словоизменения. Мы пишем *дуб* (а не *дуп*), потому что во всех других падежах будет *дуба, дубу* и т. д., по тем же причинам пишем *лев*, а не «*леф*»; поддерживая единство типа словоизменения, пишем безударные окончания *ста́рого, ста́рому* так же, как и ударные *молодо́го, молодóму*; ср. также *до́ма, до́му*, потому что *стола́, столу́; о́кна*, потому что *дела́*; пишем одинаково и *спали́ть*, и *сби́ть*, и *сжа́ть*, приняв раз навсегда, что эта приставка пишется через *с*; наконец, поддерживая зрительное единство семьи, пишем *о* во всех членах семьи, образуемой от *дом > дома́, домово́й, домо́й, домовнича́ть* и т. д. и т. д.

Русская орфография охраняет морфологический принцип, т. е. стремится писать производные по основному слову, одну и ту же фор-

манту — по одному образцу для всех случаев, флексии — по ударяемому типу, не считаясь с фонологическими законами, изменяющими звуковую сторону слова.

§ 122. Изменение орфографии

Таким образом расхождение орфографии с произношением неизбежно. Звучащий язык изменяется, и нередко бывает так, что поколение детей произносит многое не так, как в то же самое время произносит поколение отцов. Так, напр., теперешние взрослые москвичи говорят «чисы», «рика», «питак», а их отцы говорили и продолжают говорить «чесы», «река», «петак»; орфография же знает только *часы*, *река*, *пятak*. Орфография консервативна, она подчеркивает на письме то, чего уже нет в звучащем языке, и многие из её правил сохранились от старых времен, иногда очень древних. Орфография условна, но мы уже знаем, что все языковые знаки мысли — слова, форманты, морфемы — условны и что только потому они и могут иметь общеобязательный характер.

Каждый из нас не властен менять орфографию по своему произволу: его не поймут читающие, а сверх того, сочтут чудаком или безграмотным. Каждый должен писать «как все», точно так же, как каждый должен говорить «как все». В живой речи «дают тон», создают норму, которой прочие стремятся подражать, образованные люди, литература, театр, ораторы. В письме же орфографическую норму создаёт высшее учёное учреждение — Академия наук. Она охраняет существующее правописание, она же видоизменяет его, когда оно чересчур расходится со звучащим языком, отменяет устаревшие стеснительные правила и вводит новые. Словом, Академия охраняет письмо как социальное установление, призванное служить для всех членов общества.

Каждый из нас может не соглашаться с существующим правописанием. Так, напр., нет никакой необходимости писать по-разному в словах *вьюга* и *въехать*. Можно было бы писать одинаково *вьюга*, *въехать* или, что было бы лучше, *вьюга*, *въехать*. Однако сами менять орфографию мы не можем, а должны подчиняться авторитету Академии наук, которая время от времени пересматривает орфографические правила.

II

РАБОТЫ ПО ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА